

Ken Liu

THE HIDDEN GIRL
AND OTHER STORIES

*Посвящается моей бабушке Сяоцань,
которая научила меня рассказывать истории.*

*А также Лизе, Эстер и Миранде,
показавшим мне, почему истории так важны.*

Содержание

Предисловие	8
Призрачные дни	12
Демон Максвелла	46
Перерожденный	72
Мысли и молитвы	108
Византийское сострадание	134
Богов не удержишь на цепи	188
Остаться позади	216
Настоящие художники	238
Богов не будут убивать	254
А где-то далеко огромные стада оленей	286
Боги умерли не напрасно	304
Воспоминания о моей матери	334
Послания из колыбели: отшельница — сорок восемь часов в Массачусетском море	340
Серая Крольчиха, Алая Кобыла, Черный Леопард	364
Побег за пределы Стены Бурь	414
Потаенная девушка	442
Семь дней рождения	478
Послание	504
Вырезание	536
Слова благодарности	540

Предисловие

В самом сердце художественной литературы заключен парадокс, по крайней мере, так показывает мой опыт: в то время как средством литературы является язык, чья основная функция — общение, я могу писать удовлетворительные произведения, лишь полностью исключая эту функцию.

Объясню. Как автор я создаю из слов некое произведение, однако слова лишены смысла до тех пор, пока их не оживляет сознание читателя. Каждое повествование ведется автором и читателем совместно, и оно остается неполным до тех пор, пока не появляется читатель и не *интерпретирует* написанное.

Каждый читатель подходит к тексту со своим собственным восприятием, представлениями о реальности, приобретенными ранее познаниями относительно того, каков наш мир и каким он быть должен. Все это постигается через опыт, хотя у каждого конкретного человека своя собственная история встреч с неумолимой реальностью. Именно благодаря этим боевым шрамам оценивается достоверность сюжета; глубина персонажей измеряется по шкале воспоминаний о реальных событиях; правдоподобность каждого повествования сопоставляется со страхами и надеждами, живущими в сердце.

Хорошее повествование не может быть похоже на строгий юридический документ, проводящий читателя по узкому мостику, переброшенному через пропасть бессмысленного. Скорее оно должно быть безлюдным домом, голым садом, пустынным берегом океана. Читатель приходит со своим тя-

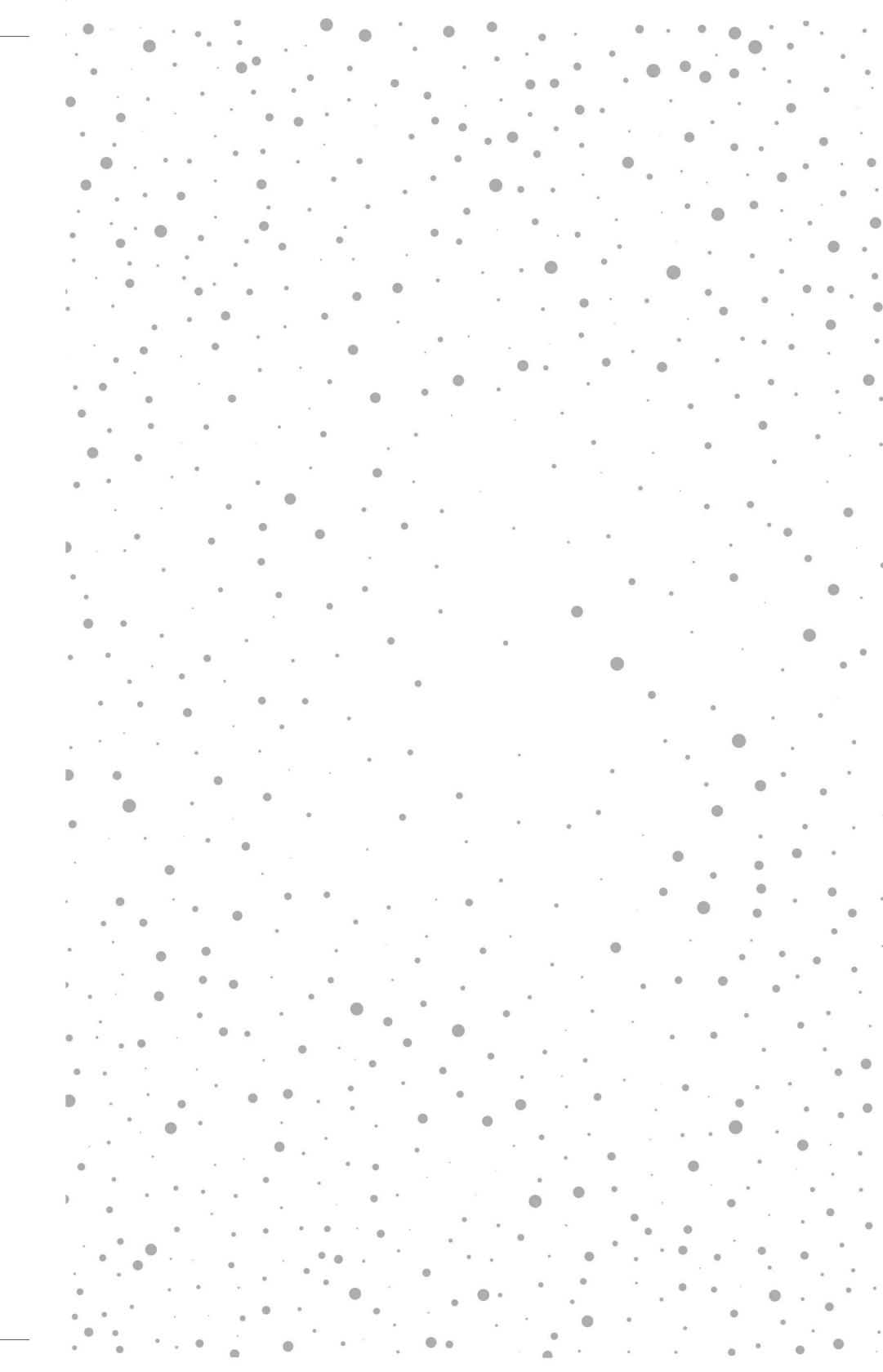
желым багажом, бережно лелеемыми личными вещами, семенами сомнения и мировоззрением, схемами человеческой природы и корзинами веры, поддерживающей его силы. Он поселяется в повествовании, исследует все укромные закутки, переставляет мебель в соответствии со своими вкусами, покрывает стены набросками своей внутренней жизни и тем самым превращает его в свой дом.

Как автор я нахожу попытку построить дом, который удовлетворил бы любого воображаемого будущего обитателя, сковывающей, ограничивающей, парализующей. Гораздо лучше построить здание, в котором *я сам* буду чувствовать себя дома, умиротворенный балансом между реальностью и искусственностью языка.

Однако опыт показал, что именно тогда, когда я наименее настроен на *общение*, результат максимально открыт для интерпретации; именно тогда, когда меня наименее заботит удобство моих читателей, они с наибольшей вероятностью сделают мое повествование своим домом. Лишь сосредоточившись исключительно на частном, я получаю возможность достичь общего.

Таким образом, отбирать рассказы для этого сборника было во многом проще, чем отбирать рассказы для моего дебюта «Бумажный зверинец и другие рассказы»: исчезло давление от попытки «преподнести товар лицом». Вместо того чтобы ломать голову над тем, из каких рассказов получится «лучший» сборник для воображаемого читателя, я решил остановиться на тех рассказах, которые больше всего нравятся мне самому. В этом неоценимую помощь мне оказал мой редактор Джо Монти, которому удалось сплести разрозненные сюжеты в единое повествование, чего не смог разглядеть я сам.

Надеюсь, каждый из вас найдет в этом сборнике рассказ, в котором почувствует себя как дома.

Призрачные дни

3

НОВАЯ ПАСИФИКА, 2313 ГОД

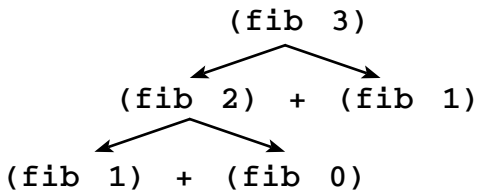
Мисс Корон указала на доску-экран, на которую вывела отрывок кода.

```
(define (fib n)
  (if (< n 2)
      1
      (+ (fib (- n 1)) (fib (- n 2))))))
```

— Давайте составим дерево вызовов этой классической функции на языке «Лисп», рекурсивно вычисляющей n -й член последовательности Фибоначчи.

Оуна внимательно смотрела на Учительницу, отвернувшись к доске. Мисс Корон была без шлема. Ее платье оставляло открытыми руки и ноги, что, как она объясняла детям, было «красивым» и «естественным». Умом Оуна понимала, что ледяной воздух в классе, от которого у нее самой и у остальных детей даже при непродолжительном пребывании без защитного облачения случилось бы переохлаждение, идеально подходит для Учителей, и все же от этого зрелища она непроизвольно поехала. От прикосновения к внутренней стороне герметичного термокостюма ее чешуя зашуршала, и этот шорох громкими отголосками отозвался в шлеме.

— Рекурсивная функция работает подобно вложенным друг в друга матрешкам, — продолжала мисс Корон. — Для того чтобы решить общую задачу, рекурсивная функция вызывает сама себя, решая частный вариант той же самой задачи.

Оуна пожалела о том, что не сможет вызвать частную версию самой себя, чтобы решить свои проблемы. Она мысленно представила, что у нее внутри есть «Оуна послушная», которой доставляет радость написание алгоритмов на классических языках программирования и изучение поэзии на архаичном английском языке. Это позволило бы ей освободиться от нудных занятий и полностью сосредоточиться на таинственной цивилизации Новой Пасифики, на давным-давно исчезнувших коренных обитателях планеты.

— Но какой смысл изучать мертвые языки программирования? — спросила вслух Оуна.

Все дети в классе разом обернулись к ней, и золотистый блеск чешуи у них на лицах ослепил ее даже сквозь два слоя стекла — в шлемах у них и в шлеме самой Оуны.

Оуна мысленно поругала себя. По-видимому, вместо «Оуны послушной» она почему-то вызвала «Оуну-бунтарку», из-за которой постоянно попадала в неприятности.

Оуна обратила внимание на то, что сегодня на обнаженном лице мисс Корон особенно яркая косметика, однако губы Учительницы, накрашенные ярко-красной помадой, практически исчезли, превратившись в тонкую линию, когда она постаралась сохранить улыбку.

— Мы изучаем классические языки программирования для того, чтобы понять образ мышления наших далеких предков, — сказала мисс Корон. — Вы должны знать, откуда вы.

Она произнесла «вы» так, чтобы показать, что она имела в виду не одну только Оуну, а всех детей колонии Новая Пасифика. Покрытая чешуей кожа, переносящие высокие температуры внутренние органы и кровеносные сосуды, шестидольные легкие — все это было позаимствовано у местной фауны. Внедренная в организмы детей чуждая биохимия позволяла им дышать за пределами Купола, жить на этой горячей ядовитой планете.

Оуна понимала, что ей нужно замолчать, но, подобно тому как рекурсивные функции на блок-схеме мисс Корон должны были возвращаться в точку вызова, она не могла удержать «Оуну-бунтарку».

— Я знаю, откуда я: я была рассчитана компьютером и выращена в пробирке, после чего росла в стеклянном питомнике, куда закачивался воздух снаружи.

— О, Оуна, я... Я имела в виду совсем другое. — Голос мисс Корон смягчился. — Новая Пасифика находится слишком далеко от наших родных миров, и за нами не пришлют спасательный корабль, потому что никому и в голову не придет, что мы выжили в «червоточине» и теперь застряли здесь, в противоположном конце галактики. Вы никогда не увидите прекрасные парящие острова Тай-Винн и восхитительные эстакады Пеле, изящные города-деревья Поллена и кишасщие жилые соты Тирона: вы полностью отрезаны от своего прошлого, от остального человечества.

Выслушав — в миллионный раз — эти туманные легенды о чудесах, которых она оказалась лишена, Оуна почувствовала, как у нее на спине чешуя встала дыбом. Она терпеть не могла подобную снисходительность.

Но мисс Корон продолжала: